

Русские в Австралии

Елена Говор, историк и писатель из Канберры, занимается изучением русских в Австралии, начиная с ранних дней истории страны и кончая сегодняшним временем.

Елена ГОВОР

РУССКИЕ В АВСТРАЛИЙСКОЙ ЛЕГЕНДЕ

Никакими усилиями воображения не мог я представить его русским, но, может быть, и не был он им, принадлежа от рождения к загадочной орлиной расе, чья родина – в них самих, способных на всё.

Александр Грин. Далекый путь

Еак-то в детстве мне в руки попал сборник «Австралийские рассказы». Я до сих пор помню этот долгий зимний вечер. Мириады безликих домов за окном нашей минской пятиэтажки, непролазная грязь, соседи-алкоголики – все внезапно исчезло, развеялось как туман. Я оказалась посреди открытой мною новой земли. Ветер, напоенный запахом эвкалиптовых листьев, шелестел в сухой сероватой траве, мерно покачивалась повозка, запряженная волами, наш путь лежал к цепи голубых холмов на горизонте. Всё должно было свершиться там, впереди. Теперь, глядя назад, я думаю, что вот это чувство свободы, осознание того, что есть такая земля, где всё зависит от тебя самого, и было самым главным, что притягивало меня к Австралии, которая хотя бы в мечтах делала меня свободной. Бескорыстное, рыцарское служение Австралии стало моим способом «жить не по лжи», к которому призывал Солженицын. О Солженицыне, впрочем, я тогда ещё не слышала. Дав обет верности Австралии, я, в своём юношеском максимализме, теряла Россию, и только позже, когда школьная пропаганда любви к родине осталась позади, я вернулась к ней и увидела её по-новому, через историю своих предков, через художественную литературу и «тамиздат». В те же далекие глухие годы я была убеждена, что моя подлинная родина там, на другом конце земли, в другом времени.

Помню, как поразил меня рассказ Александра Грина «Далёкий путь», герой которого пережил то же, что и я, и в конце концов дошёл до земли своей мечты. Но Андрей Синявский с его трагическим рассказом

«Пхенц» о судьбе инопланетянина, застрявшего на земле, пожалуй, лучше всех описал этот новый тип людей, порожденных советской действительностью. Уже спустя годы я поняла, что в своем бегстве от неё я была не одинока, вокруг меня жили такие же молчаливые Пхенцы. Жизнь за Железным занавесом создала из нас удивительное племя путешественников-мечтателей, и Австралия стала самой недосыгаемой, неизбитой, а потому самой притягательной целью наших «путешествий». Увы, только единицы из нас добрались до её берегов. И то, что я пишу эти строки, глядя из своего университетского кабинета на усеянные солнечными бликами вершины эвкалиптов, и ветер временами доносит сюда треск цикад и пересвист попугаев, счастливое исключение из правила.

В юности мне казалось, что моё «открытие» Австралии уникально, но позднее, окунувшись в её историю, я поняла, что являюсь лишь звеном в цепи русского очарования Австралией и, – нередко, – разочарования в ней, цепи протяженностью в два столетия. Именно в два, так как в прошлое позвала меня самая ранняя, дореволюционная, немодная ныне эмиграция, которой даже не нашлось места среди официальных «волн», – ведь первой волной считают исход из России после октябрьского переворота. Именно к этой ранней эмиграции принадлежали те, кто проложил свой собственный путь между двумя полюсами – сохранением «русскости», которой принято восхищаться в наших эмигрантах, и ассимиляций, о которой, соответственно, сожалеют, – особый путь людей гриновской, «орлиной расы». Они удивительным образом

вписались в «австралийскую легенду» – набор популярных, сакральных представлений австралийцев о своём прошлом.

Известно, что история Австралии началась в качестве ссыльно-каторжной колонии. Первый флот с каторжниками прибыл туда через восемнадцать лет после того, как в 1770 году Австралию открыл Джеймс Кук. Съели его, кстати, отнюдь не австралийские аборигены, а гавайцы, принявшие Кука за ежегодно умирающего и возрождающегося бога Лоно. Современные авторы иногда называют Австралию британским ГУЛАГом, но в то время Австралия представлялась русским совсем не такой. Николай Резанов – тот самый, что в рок-опере «Юнона» и «Авось» прожектирует обустройство альтернативной России «без деньги и петли», – в действительности готовил проект колонизации Русской Америки по австралийскому образцу. «В бытность мою в 1803 году в Лондоне, – писал он, – видел я в Невгатской тюрьме более 400 человек к отправлению в Ботани-бей [Сидней] приготовленных. Государство в одном лице избавляется от вредных членов; но в другом от них же получает пользу и ими города созидает». Русские моряки, не раз посещавшие Сидней, восхищались прекрасными условиями содержания ссыльных, а уж тот факт, что ежедневный рацион ссыльных включал фунт мяса, белый хлеб и чай, неизменно приводил их в восторг. Собственно говоря, остров Сахалин – это и была русская попытка ссыльно-каторжной колонизации по австралийскому образцу, однако Антон Чехов, посетив Сахалин, ясно увидел, что создать «вторую Австралию» у нас никак не получится.

Отношение к прошлому претерпевает порой удивительные метаморфозы, и ныне австралийцы считают особенно престижным иметь в роду хоть одного ссыльного, им гордятся, как в Европе гордятся предком-аристократом, а ссыльный, прибывший в Австралию с Первым флотом, котируется на уровне королевских кровей. Но я никак не ожидала, что эта ссыльномания затронет и нашу семью. А началось всё так.

Как-то, придя за сыном в школу, я заметила на стене около их класса страховидный портрет с подписью «Джон Ховард» (так зовут нашего премьер-министра). Свобода слова – это хорошо, подумала я, но не до такой же степени, и тут, к своему ужасу, я разглядела имя художника – это был мой собственный семилетний сын Ральфи Кабо. Занимаясь ссыльными, они взяли себе подопечных «конвиктов», и Ральфи умудрился выбрать тезку премьер-министра. Вот тогда я и подумала, а почему бы и нам не гордиться «своими», российскими ссыльными, трудом которых и закладывалась нынешняя благополучная Австралия. Оставалось только их найти.

Оказалось, что среди заключенных английских тюрем, которых собирались отправить с Первым флотом в Австралию, был человек по имени Джон Браун, который, когда его приговорили к семи годам ссылки за кражу шкатулки и занавески, взмолился, чтобы его пощадили, заявив, что он русский. Похоже, что его действительно простили, так как ни с Первым, ни со Вторым флотом в Австралию он не приехал, и мы, таким образом, потеряли уникальный шанс оказаться среди соучредителей австралийской нации...

Но оставалась еще надежда на другой Первый флот, тасманийский, который в 1804 году привез первых ссыльных осваивать Землю Ван-Димена (остров Тасманию). И тут меня ждало открытие. Когда русские корабли «Крейсер» и «Ладога» зашли в мае 1823 г. в Хобарт на Тасмании, они встретили, писал в дневнике капитан Андрей Лазарев, «пожилых лет уроженца белорусского Потоцкого; ежели верить словам его, он в царствование императрицы Екатерины II был нашим армейским офицером и судьбами превратного счастья занесен в Англию, а оттуда в 1804-м году отправлен на Вандиминовый остров в числе преступников; с 1810-го года он пользуется свободой, имеет в городе дом, жену и взрослых детей». И действительно, среди первых ссыльных был человек со странным именем Джон Потэски (Potaskie) (Приключения славянских имен в Австралии – это особая тема!). Осужденный за кражу мотка тесьмы и галантерейных мелочей, он получил стандартные семь лет ссылки, но с ним в неведомую Ван-Дименову Землю отправилась его молодая жена-ирландка Кэтрин и трехлетний сын. Увы, в отличие от жен декабристов, о ней никто не слагал стихов... Когда, зачав и выносив ребенка на корабле, Кэтрин родила девочку в день провозглашения нового поселения Хобарт, Джон не колеблясь выбрал имя для своей дочери: Кэтрин – в честь матери, Кэтрин – как символ их любви, верности и надежды. Если говорить о «первых», то этой девочке, дочери ссыльного россиянина, принадлежит честь быть первым белым ребенком, родившимся на Тасмании.

И вот, почти два столетия спустя, я пью чай в гостеприимном доме Мэри Пурселл, праправнучки этой Кэтрин, и держу в руках ее фотографию. С портрета на меня смотрит благообразная старушка – чепец и шаль наглухо скрывают ее тело, выносившее тринадцать детей, и только глаза, как кажется, выдают трагедию ее юности, когда в 17 лет она потеряла в один день возлюбленного – отца своего незаконнорожденного сына – и брата, повешенных за грабеж... Кэтрин, дожившая до века фотографии, навсегда унесла с собой в могилу все тайны своей семьи. «Мы полагаем, – говорит Мэри, тщательно подбирая слова, – что после переезда части семьи с Тасмании в

**Кэтрин Потоцкая Макдональд, дочь
первого российского ссыльного
в Австралии.**

Викторию около 1853 года, они приложили все усилия к тому, чтобы изгладить память о тяжелых годах ссылки и начать новую жизнь в Виктории». И к XX веку память о мрачном прошлом, как казалось, навсегда исчезла из семейной истории.

Молчание. О родителях, которые молчали, о детях, которые не задавали вопросов, о внуках и правнуках, которым «все это» вдруг стало нужно – обо всем этом можно написать целую книгу, в которой отсутствие фактов скажет о времени, обществе и самой истории не меньше, чем сами факты. Именно интерес к своим корням привел энтузиастов-историков семьи в 1980-х годах к «открытию» Кэтрин и Джона Потоцких, к осмыслению их судьбы и к уважению этих по-существу героических людей. Впрочем, о том, как правильно пишется их фамилия, как и о неведомой Белоруссии, куда идут их корни, они узнают уже от меня. Сейчас в Австралии живет девятое поколение потомков Потоцких, и их общее число перевалило за полторы тысячи.

Ссылных россиян в Австралии было не менее трех десятков, и каждая жизнь – это приключенческий роман. Был среди них архангельский купец голландского происхождения Абрахам Ван Бринен – джентльмен, трижды попадавший на подделке чеков. Был крещеный индеец из Русской Америки Даниил Детлов фон Ранцов. Был солдат Павел Стемпин, родившийся в Польше и арестованный в Испании в 1813 году; сосланный пожизненно в Австралию он стал слугой Джона Оксли, первооткрывателя внутренних районов Австралии... Первым этническим русским ссыльным в Австралии был Константин Милков (Мильков) – здесь фамилия его превратилась в Milcow, – одноглазый объездчик лошадей из Москвы, получивший в лондонском суде семь лет ссылки за украденный кусок бекона. По всему

видно, что на воровство его толкнул голод. Возможно, это был моряк, возможно – дезертир из русской армии. В 1816 году он прибыл в Австралию. Австралийские архивы – рай для историка, они позволяют проследить жизнь Константина год за годом. Видно, как постепенно он «врастает» в австралийскую жизнь, и даже фамилия его трансформируется – Milcow, Meliko, Meleke, Millers. Но в 1825 году сведения о нем обрываются. Вряд ли он уехал из Австралии, ведь он не пытался вернуться на родину, когда в начале 1820-х годов в Сидней один за другим заходили русские корабли. Скорей всего, его забытая могила навсегда затерялась где-то среди австралийского буша. Но мне хочется верить, что однажды на пороге нашего дома появится его потомок... Именно так, как двенадцать лет назад появился у нас юноша-абориген, оказавшийся праправнуком русского писателя Николая Дмитриевича Ильина.

Следующим большим событием в Австралийской истории стала золотая лихорадка, «трепавшая» Австралию на протяжении всей второй половины XIX века. И здесь, конечно, не обошлось без русских. Геолог Федор Штейн, приехавший в Сидней с русской экспедицией в 1820 году, добрался до Голубых гор и обнаружил там золотоносную руду. Вслед за ним золото открыл чех из Львова Джон Лхотский, а в 1844 году английский геолог Родерик Мурчисон, побывав на Урале, обнаружил сходство Уральских гор с Австралийскими Кордильерами и на основании этого предрек открытие золота в Австралии. Официально об открытии золота было объявлено в 1851 году, и в Австралию хлынул поток искателей счастья. Новости о «золотой горячке» в далёкой Австралии захватили и русских. Один такой случай описан Александром Герценом в «Былом и думах». Он рассказал историю офицера Стремоухова, бежавшего из России в Европу в конце 1840-х годов. Видя, как он постепенно все больше нищает и опускается, русская колония в Лондоне собрала для него деньги и вещи и решила отправить его в Австралию, где недавно открыли золото. «Ему дали в Мельбурн рекомендацию и поручили капитану его самого и, главное, деньги за проезд». Прощаясь, Стремоухов со слезами на глазах говорил: «Как хотите, господа, а ехать в такую даль не легкая вещь. Вдруг разорваться со всеми привычками, но это надобно...» Увы, русская обломовщина взяла верх, и спустя несколько месяцев Стремоухова обнаружили не «на берегах Виктории-ривер», а в лондонском кабаке, откуда за буянство и воровство он угодил в тюрьму.

Среди россиян, все-таки добравшихся до золотых приисков, был Вильям Эммарманн, сын петербургского сапожника. В Австралии он

стал национальным героем, пав смертью храбрых во время знаменитого эврикского восстания золотоискателей в Балларате в 1854 году. Это был своего рода «Ленский расстрел», ставший символом австралийского духа «непокорности» и положивший начало демократическим преобразованиям в Австралии. Для баланса отметим, что и на другой стороне баррикад, в рядах правительственных войск, был поляк Ладислаус Коссак.

Ири всей своей непохожести, русские удивительным образом вписывались в австралийскую легенду. Одним из краеугольных камней ее является культ товарищества, у австралийцев для этого есть специальное слово – *mateship*. В городке Холлс Крик, на суровом северо-западе Австралии, эта идея персонифицирована в виде памятника –

золотоискатель везет занемогшего товарища в одноколесной самодельной тачке через пустыню. Имя золотоискателя – Русский Джек. Его действительно звали Иван, а фамилия его в документах появляется в форме Фредерикс или Киркос. Этот бывший матрос из Архангельска сочетал богатырскую силу и доброе сердце. Несмотря на его ломаный английский и «московские (!) черты лица», он завоевал сердца австралийцев, став героем австралийского фольклора. Современное историческое австралийское исследование о Русском Джеке перечисляет все расхождения в легендах о нем, но ведь их прелесть в том и состоит, что этот «медведь с сердцем ребенка», как будто вышедший из русской былины, удивительно вписался в австралийский Дикий Запад, или, скорее, в австралийскую легенду о Диком Западе. Ему по плечу было и выпить полбутылки виски – залпом, «из горла», и съесть яичницу из огромных яиц эму, и расправиться с крокодилом, схватившим его за ногу, и... унести с собой тюрьму, когда невтерпеж было опохмелиться – тюрьмой в тех местах служило огромное бревно, к которому приковал его

полицейский до протрезвления. Вот с ним-то Русский Джек и пришел в бар и согласился оттащить бревно обратно, только если блюститель порядка купит ему бутылочку. Надо ли говорить, что конфликт был решен полюбовно, а свод австралийских баек обогатился еще одной историей.

Русский Джек – стал именем нарицательным, так называли бродяг со скаткой-свэгом за плечами, кочевавших в поисках удачи или куска хлеба по дорогам Австралии. В этническом происхождении Русских Джеков австралийцам трудно было разобраться – мы, кстати, так и не знаем, был Иван Фредерикс русским или финном – этого звания удостоились люди разных национальностей. Фигура бродяги-свэгмена – еще один краеугольный камень австралийской легенды. *Waltzing Matilda*, песня о таком бродяге, стала неофициальным гимном Австралии. Звание Русский Джек – знак того, что чужеземец удостоился чести быть принятым в это братство: Джек – свой в доску парень – перевешивает здесь настороженное отношение к чужакам.

Эти бродяги не вели дневников и не писали воспоминаний, и тем интереснее найти следы, оставленные ими на земле и в истории Австралии. Благодаря архивным документам удалось вернуть из небытия несколько таких колоритных лиц. Джон Пачолков, моряк из Архангельска, попал в Австралию в 1871 году на новозеландской шхуне. Когда 37 лет спустя он подал прошение на натурализацию, в графе о месте жительства он указал: «хожу из одного места в другое, никогда не жил на одном месте более 13 месяцев». На момент натурализации он раскинул свой лагерь на окраине Бандаберга в Квинсленде. Были среди них и дезертиры с русских военных кораблей, посещавших Австралию на протяжении XIX века. Егона Irafеe Кузнецов (читай Ерема Ерофеевич Кузнецов) из Томска в 1888 году дезертировал с «Наездника» в Брисбене, а целая группа русских бежала в 1901 году с «Громобоя» в Мельбурне, отправленного в Австралию с официальной миссией на празднование Австралийской федерации. На дорогах Квинсленда, по которым бродил Кузнецов, он был известен под именем Русский Джо. Alfroniza – скорей всего Афанасий – Морозов с «Громобоя» стал Джеком Морисом и работал плотником в лесах Гипсленда в поселке с любопытным названием *Bunyip Swamp*, которое можно перевести как

Болото лешего. Одессит Иосиф Тимофеевич Ханне (реконструировать его фамилию я не берусь) искал золото по всему Квинсленду и даже провел 18 месяцев на островке в Архипелаге Луизианы; другой старатель-авантюрист, Евгений Захаров из Грайворона, под Белгородом, отправился из Австралии искать золото на Новую Гвинею и погиб там в горах в 1931 году.

Иногда они оставляли свой след в географических названиях. На детальной карте Западной Австралии можно найти ручей Русского Джека и колодец Русского Билла, а в Квинсленде – ручей Русского Джо и Русскую Балку. В Дарвине, столице Северной территории, вокруг ручья Людмила вырос целый район с тем же названием. Хоть австралийцы произносят это название как «Ладмила», назван он был в честь русской девушки Людмилы, родившейся в Вятской губернии. Ее отец Морис Хольц(е) родился в Германии, где получил специальность ботаника, в 1862 г. он иммигрировал в Россию и вскоре женился на русской дворянке Евлампии Семеновне Мезенцевой. В 1872 г. неясные семейные обстоятельства вынудили

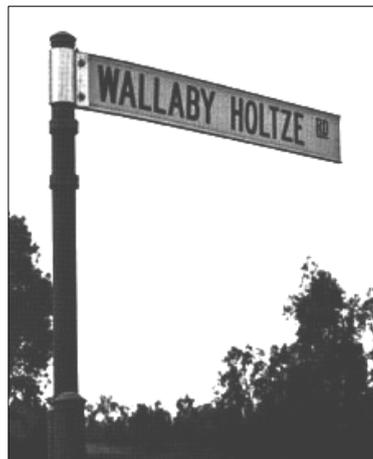

Евлампия Мезенцева-Хольце, русская дворянка на Северной Территории Австралии

их покинуть Россию. Привлеченные слухами об открытии золота на тропическом севере Австралии, они отправились в Пальмерстон (ныне Дарвин) с волной первых переселенцев. Их дети, родившиеся в России, – Николай, Владимир и Людмила – легко вписались в мир пионеров Северной Территории, а вот Евлампии, привыкшей к служанкам и горничным, сначала пришлось очень нелегко, на жизнь она вынуждена была зарабатывать стиркой. Ее внучка Виннис Редигер вспоминает: «Эта работа уронила ее очень низко в глазах других белых поселенцев. Ей было особенно трудно потому, что она не могла хорошо говорить по-английски, а также

потому, что она принадлежала к нации, которую ненавидели». Только когда ее дети пошли в школу, Евлампия стала осваивать английский вместе с ними. Постепенно семья стала преуспевать, особенно после назначения Мориса Хольце правительственным садовником в ботаническом саду Пальмерстона, где его сын Николай помогал ему.

Хольце много сделали для развития тропического земледелия на Северной

территории и их имя носят несколько улиц на Северной Территории. Есть даже дорога Валлаби Хольце, она названа в честь второго сына – Владимира. Он пятьдесят лет проработал в пустыне, среди аборигенов, на телеграфной

станции к югу от Пальмерстона. Здесь имя Владимир и превратилось в Валлаби – так в Австралии называют небольших кенгуру. Память о русских корнях еще долго сохранялась в семье – например, Людмила появлялась на Пальмерстонских балах-маскарадах в костюме русской крестьянки, сохранялись в их меню и русские блюда. В 1903 г., когда в гостях у Хольце побывал русский путешественник Александр Яценко, он отметил, что Евлампия все еще помнила русский язык, но – пишет он, – «поставила крест на свое русское прошлое, и на мой вопрос, не скучает ли о русском снеге, поспешно ответила, что нет».

Заглянуть в мир русских пионеров-первопроходцев, обретших свой новый дом в экзотической Австралии, теперь не так-то легко, но один из них рассказал о себе. Это был петербуржец Валерий Бородин. В 1946 году, будучи стариком, он натурализовался в Австралии под именем Вильям Броди. В юности он получил от бабушки в наследство огромное состояние в 11 тысяч фунтов, десять лет путешествовал по всему миру и, наконец, в 1911 году высадился в Австралии. Как и многих

составе Австрало-Новозеландского армейского корпуса в качестве легендарных «АНЗАКов».

Людмила Хольце

других его околдовал мир австралийского Дикого Запада, захватила мечта о новом богатстве, и многие годы он кочевал по Квинсленду в поисках опалов и золота. Когда старательская удача покидала его, он ловил кроликов и тем и жил. «Скотоводческих ферм и приисков было так много, что перечислить их все не хватит места», – написал он в заявлении на натурализацию в графе о местах, где ему приходилось жить.

Типичный бродяга – но с изюминкой. Незадолго до смерти он наскреб необходимые пять фунтов и оформил авторское свидетельство на свои песни. Австралийский чиновник аккуратно подшил листки в тонкую папку и передал их в архив. Теперь, благодаря ему, мы можем вернуть России и Австралии их забытого барда. Пел Бородин/Броди, впрочем, не о детстве в России, не о молодости в Европе и Америке, а о старости в Австралии. Его песни, то сентиментальные, то шуточные, полны австралийских реалий и слэнга. На склоне дней он мечтает обрести утешение и покой в «хижине из коры» – еще один архетип мира австралийских первопроходцев – на берегу Муррея, который струит свои воды под шелест листьев высоких эвкалиптов. Он пел об Австралии, а на память почему-то приходит пермонтавский кремнистый путь и зеленый дуб...

История ранних русских иммигрантов в Австралии хранит еще множество свидетельств вранья их в эту землю. Они рубили сахарный тростник, основывали русские поселки посреди тропических джунглей, женились на аборигенках, отправлялись за моря воевать в

Оставаясь русскими, они стали частью австралийской легенды, австралийской истории. Но они – эти Русские Джеки и Валлаби Хольце – и наша, русская история, сохранившаяся в памяти их внуков, в австралийских архивах да в названиях ручьев и дорог. ■

Рисунок эвкалипта, сделанный Людмилой Хольце

Фотозтюдды

Здравствуй, солнце! Фото Александра ЕРЕМЕЕВА